

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Изъ воспоминаній Теобальда ¹⁾.

I.

2-й и 6-й пѣхотные корпуса весь 1838 годъ готовились къ походу подъ Бородино, для маневровъ и открытія бородинскаго памятника. Какому-то штабному умнику приказано было сочинить для этого случая „солдатскую пѣсню“—и вотъ онъ сочинилъ, поддѣлываясь подъ „тихій учебный шагъ въ три пріема“, quasi-солдатскую пѣсню, начинавшуюся куплетомъ:

«Что не соколы крылаты,
Чуя солнышка восходъ,
Бѣлаго царя солдаты
Собираются въ походъ».

Какой-то капельмейстеръ изъ чеховъ положилъ ее на музыку, смахивающую на

«Кде домувъ муй»,

рописалъ ее на голоса—и пѣсня разослана въ полки, съ строгимъ приказаніемъ, чтобы ротные и эскадронные пѣсенники непремѣнно выучили ее наизусть.

И надоѣла же намъ эта пѣсня! Бывало по цѣлымъ днямъ ручки пѣсенниковъ зубрятъ, подъ аккомпаниментъ горниста,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1889 г., томъ LXI, февраль, стр. 355—368.

эту пѣсню и никакъ не могутъ усвоить ее себѣ, во первыхъ, потому, что пѣсня черезъ-чуръ длинна и слова ея никакъ не улегались на солдатскомъ, слишкомъ грубомъ для нихъ, языкѣ, и во вторыхъ, что голосъ ея не лѣзъ въ русское солдатское горло. Но

«Чего не сдѣлаетъ солдатъ за царское спасибо!»

Выучили таки солдатики эту заморскую пѣсню — и весною 1839 года войска корпусовъ графа Крейца и Тимофеева потянулись подъ Бородино.

Я служилъ во 2-мъ корпусѣ, въ Галицкомъ егерскомъ полку, который квартировалъ въ г. Быховѣ, Могилевской губерніи, и былъ портупей-юнкеромъ. На время похода юнкерскую команду распустили и насъ отослали въ роты.

Походъ не представлялъ ничего особеннаго, покуда мы шли по Могилевской и Витебской губерніямъ; но со вступленіемъ въ Смоленскую губернію для насъ открылся какой-то особый этнографическій міръ, а для жителей представилось невиданное ими въ жизни явленіе: строй солдатъ, о которыхъ они знали только по отдѣльнымъ личностямъ отпусковыхъ. Насъ въ особенности поражалъ культъ Духовщинскаго уѣзда. Это былъ какой-то непотчатый край, наполненный дикарями изъ Новой-Зеландіи. Самый костюмъ женщинъ поражалъ насъ до ошмѣнія. Вообразите себѣ громадную женщину, съ растрепанными волосами, босую и въ длинной, грязной, закоптѣлой рубахѣ, подпоясанную простою веревкою—это дѣвка! Рядомъ съ нею, въ такой же точно рубахѣ, но съ пестрядиннымъ фартухомъ—не спереди, какъ бы слѣдовало—а сзади, и съ отребьями какой-то грязной тряпки на головѣ—это замужня.

Благодаря жаркой майской погодѣ, мы ночевали въ гумнахъ; въ хатахъ же Духовщинскаго, Сычовскаго и части Дорогобужскаго уѣздовъ насъ заѣли бы паразиты всѣхъ существующихъ на свѣтѣ именованій.

Зато Вязьма, Вяземскій и Гжатскій уѣзды вознаградили наше русское чувство: тамъ только увидали мы сарафаны, кошошники и душегрѣйки.

Весь походъ нашъ по Смоленской губерніи (начиная съ До-

рогобужскаго уѣзда), до самаго Бородина, былъ какимъ-то триумфальнымъ шествіемъ. Каждую роту жители всякой деревни встрѣчали съ блинами, пирогами, калачами и другими печеніями—и съ цѣлыми бочками квасу.

— Позволь, кормилецъ, сердешнымъ, солдатушкамъ, кваску испить и пирожка прикусить!—обращаются старики къ ротному командиру.

Радовались солдатики такому русскому хлѣбосольству и радущію. Отплачивали же крестьянамъ пѣснями, беззавѣтною русскою удалю и молодецкою пляскою, не смотря на усталость, ранецъ и тяжелую аммуницію. Барабаны, бубны, тарелки, ложки и треугольники были тамъ никогда неслыханными музыкальными инструментами. Бывало цѣлыя деревни, и старый, и малый, провожаютъ роту отъ деревни до деревни, — да не только люди, но и цѣлыя стада коровъ провожаютъ роту, держась отъ нея на благородной дистанціи и съ испугомъ, дико поглядывая на барабаны и бубны, повидимому, сильно дѣйствовавшіе на ихъ коровьи нервы. А ужъ на ночлегахъ надобно было удивляться неутомимости солдатушекъ! Поужинавъ, они, имѣя рубахи на выпускъ, шинели въ накидку и фуражки на бекрень, выходили на улицу, кто съ чѣмъ гораздъ: съ балалайкою, рожкомъ, скрипкою, бубномъ, въ дѣвичій хороводъ — и тутъ начинается пляска и продолжается вплоть до утренняго генераль-марша, призывающаго немедленно подъ ранецъ.

Весело вспоминали солдатики этотъ походъ: катались, какъ сыръ въ маслѣ—ѣшь—не хочу!

На одномъ ночлегѣ мужички какъ-то разговорились съ ротнымъ барабанщикомъ, жидкомъ, и недоумѣвали надъ его страннымъ выговоромъ.

— Да ты, поштенный, изъ какихъ будешь: изъ поляковъ, аль изъ мѣмцовъ?

— Я, нѣмца!—отвѣчалъ барабанщикъ.

— Слушайте его!—перебилъ ротный запѣвало Зубковъ. Простое жидъ, да еще и не врсенный!

— Жидъ! жидъ! раздались голоса. Робя! хади жида поглядѣть: во іонъ!

Толпа сбѣжалась и начала осматривать его какъ заморскаго

звѣря. Нѣкоторыя бабы даже ощупывали его лицо руками, приговаривая: „Во жидъ! Ай, жидъ!“

Долго въ деревнѣ слышались голоса:

— Хадимъ жидѣ паглядзѣць!

Надо мною бывало также призадумываются бабы и дѣвѣи, и нерѣдко осаждаютъ вопросами:

— Ты скажи, родимый, изъ какихъ ты будешь: изъ дворовыхъ, аль изъ солдатскихъ дѣтей?

— Изъ дворовыхъ, голубушка.

— И я тое кажу. Оно и видно, что не изъ простыхъ. За то ты и набольшій.

Онѣ считали меня, по крайней мѣрѣ, фельдфебелемъ. Иныя также ощупывали лицо мое руками.

Но разъ поставили меня въ крайне непріятное положеніе сельчаки мои товарищи.

Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, мы еще до захода солнца пришли на дневку въ одну большую деревню. Жители встрѣтили насъ восторженно. Ротный командиръ баронъ Медемъ, два офицера: Печенкинъ и Алексѣевскій, и трое конферовъ: Вилямовскій, Епрамовъ и я, попали на очень хорошія, чистыя квартиры. Послѣ ранняго ужина, онъ же и обѣдъ, передъ моими окнами собрался хороводъ, въ которомъ, разумѣется, приняли участіе и солдатушки. Но вотъ одна баба, подперевъ рукою подбородокъ, начала пристально вглядываться въ меня. Слезы порою катились по ея щекамъ.

— Ты что приуныла, матка? — спросилъ ее поручикъ Алексѣевскій.

— Да во што, родненькій: гляжу не сынокъ ли эфто мой?

— А куда-жъ ты его дѣвала?

— Осьмилѣтку, батюшка, въ контолистъ взяли — и вотъ съ той поры не видала.

— А какъ сына-то звали? — спросилъ Печенкинъ.

— Спиридономъ, родимый, Спиридономъ.

— А мужа твоего — повойникъ онъ, что-ли?

— Повойникъ, повойничекъ, родимый, дай Господи ему царствіе небесное! Назаромъ звали.

— А прозвище имѣлъ какое?

— Да Кочерыжнымъ звали.

— Спиридонъ Назарычъ Кочерыжный!—продолжалъ Печенкинъ. Онъ и есть. Это твой сынонь, matka!

— Ахъ, ты мой родимый! — заголосила баба, кинулась мнѣ на шею и ну цѣловать меня и причитать....

Пораженный неожиданностію, я началъ вырываться изъ объятій женщины и спросилъ, что ей отъ меня нужно?

— Сынонь мой родимый! Спирька болезный! Да неужли-жъ ты не признаешь матушки, своей кормилицы?...

— Что такое?... Какая ты мнѣ матушка?

Офицеры и юнкера хохотали въ сторонѣ.

— Стыдись, Спиридонъ Назарычъ, не признавать родной матери!—обратился ко мнѣ Вилямовскій.

— Полно, Кочерыжный, мучить старуху!—добавилъ Епразмовъ. Ты вѣдь еще подходя къ деревнѣ говорилъ, что здѣсь живетъ твоя матушка, но что ты не хочешь признаться къ ней.

— Что вы врете, сумасшедшіе?... Не слушай ихъ, старуха: они смѣются надъ тобою, дурачатъ тебя. Я совсѣмъ не Спиридонъ и не Кочерыжный....

Но старуха и слушать не хотѣла: упала мнѣ въ ноги, обнимаетъ колѣна и голосить:

— До чего я дожила, несчастная! Родной сынонь матку знать не хочетъ!... А на что-жъ я тебя на свѣтъ породила? А на что-жъ я всю душу мою въ тебя вложила?...

Съ величайшимъ трудомъ я вырвался отъ одуроченной бабы и долженъ былъ скрыться въ квартиру барона Медема. На другой день, во время дневки, я не смѣлъ показаться на улицу, чтобъ не быть атакованнымъ мнимою моею матерью, которая всю ночь проплакала у воротъ капитанской квартиры. Затѣмъ, когда на слѣдующій день потребовались для роты подводы, старуха запрягла своего сѣрка въ телѣгу, нагрозила ее пирогами, колбасами, сыромъ, масломъ и взялась сама довести своего „родненькаго“ до слѣдующаго ночлега. Я, однако-же, этимъ не воспользовался и ѣхалъ вмѣстѣ съ капитаномъ. За то фельдфебель и унтеръ-офицеры попиروвали за мой счетъ и увѣрили бабу, что когда пойдемъ назадъ, они уговорятъ меня признаться къ матери.

Такимъ образомъ я и отвязался отъ навязанной мнѣ ма-
тушки.

Но не вездѣ встрѣчала насъ такая роскошь. Въ бѣдныхъ
уѣздахъ, какъ Сычевскій и Духовщинскій, не разъ приходилось
довольствоваться хлѣбомъ, накропаннымъ въ крынку съ моло-
комъ. Помню, въ Сычевскомъ уѣздѣ, пришелъ я на квартиру
крѣпко голодный.

— Хозяюшка-голубушка, дай чего нибудь покушать.

— Что-жъ я тебѣ дамъ, родненькій? Хлѣбъ да сыръ, а въ
печи куритца.

— Хлѣбъ, сыръ и жареная курица?—спросилъ я. Да чего-
же еще больше? Съ меня и довольно! А вотъ если прибавишь
и кружку молока—то и спасибо!

— Да ты про что, родимый? Я баю, что вотъ хлѣбъ замѣ-
шенъ, да еще сырой, а въ печи курятся проклятыя мокрыя дрова
и горѣть не хотятъ! А ужъ на молочкѣ не взыщи, нѣтути: съ
недѣльку вотъ анаемскій волкъ воровушку зарѣзалъ.

Пришлось искать ужина у товарищей.

Теперь отошло въ вѣчность, такъ называемое, путешествіе
офицеровъ „на обывательскихъ“. Да и мужики умнѣ стали:
требуютъ непременно подороженъ или открытыхъ листовъ отъ
губернаторовъ. Положимъ, и прежде требовали „папирку съ пе-
чатю“, но тогда можно было предъявить любую казенную кви-
танцію, лишь бы на печати былъ орелъ. Не всякій, однако,
могъ, да имѣлъ время добыть необходимый для взиманія под-
водъ документъ, и потому молодежь, нерѣдко вооруженная
лишь патентомъ на прапорщичій чинъ, совершала—особенно по
Бѣлороссіи и Малороссіи, довольно большія путешествія.

Практиковалось это такимъ образомъ:

Прибывъ въ деревню, офицеръ съ грознымъ видомъ требуетъ
къ себѣ сотскаго и, предъявляя ему свой патентъ, спрашиваетъ:

— Ты умѣешь читать?

— Нѣ, пановеъ, не вмѣю.

— Такъ слушай же!—и начинаетъ читать ему заголовокъ
патента, вончающійся словами: „и проч., и проч., и проч.“ — Ты
понимаешь, что значить „и проч., и проч., и проч.“?

— Нѣ, пане, не разумѣю.

— Это значить: подводы, яичница, молоко, сыръ и прочее, и прочее, и прочее. Живо чтобъ было! Видишь печать?

Сотскій, благоговѣнно преклоняясь предъ огромною печатью, восклицаетъ подобострастно:

— Заразъ, панокъ, все будзе!

И, дѣйствительно, все требуемое появлялось немедленно.

Въ Вязьму мы вступили также на дневку въ составѣ цѣлаго полка, съ музыкою. Богатое купечество, на челѣ огромной толпы народа, встрѣтило полкъ съ хлѣбомъ-солью и съ „вяземскими коврижками“. Полковому командиру, полковнику Александру Клеонаковичу Ушакову, городской голова поднесъ громадный пряникъ, чуть-ли не въ квадратную милю. Когда полковникъ выражалъ благодарность головѣ за такой цѣнный подарокъ, одинъ изъ ассистентовъ головы отвѣтилъ:

— Помилуйте-съ! Намъ наплявать! А вы кушайте на здоровье!

Богатое вяземское купечество разобрало къ себѣ всѣхъ офицеровъ и юнкеровъ и угощало на славу.

— Вязьма городокъ—Москвы уголокъ, говорили вяземцы.

На другой день на городскомъ бульварѣ играла наша полковая музыка. День былъ воскресный. Мы увидали тутъ опять всю Вязьму, въ которой очень много красавицъ. Всѣ женщины были въ праздничныхъ нарядахъ и разноцвѣтныхъ шелковыхъ платочкахъ на головахъ. Длинные вереницы ихъ, кружившія по аллеямъ вокругъ бульвара, казались градами разноцвѣтныхъ маковъ.

Вечеромъ, во всѣхъ почти домахъ, занятыхъ офицерами, устроились вечеринки изъ молодыхъ людей обоего пола, которые пѣли подъ гитары, играли въ разные игры, угощались чайкомъ, сладостями и т. п.

Меня приняло на квартиру прекрасное купеческое семейство Ечеистовыхъ и супруги ухаживали за мною, какъ за роднымъ сыномъ. Вечеромъ и у нихъ состоялось собраніе большого числа юношей и дѣвушекъ. Я не помню вечера болѣе пріятнаго въ моей жизни: такъ было на немъ все чинно, нравственно, патріархально-просто, что на душѣ становилось какъ-то свѣтло, хорошо. Пѣли душевные русскія пѣсни, въ одиночку и хо-

ромъ, подъ аккомпаниментъ гитаръ, исполняли разные характерныя граціозныя народныя танцы, въ родѣ „по улицѣ мостовой“ или „мятелицу“, играли въ фанты и т. п.

Одна игра мнѣ въ особенности понравилась: дѣвушкѣ, которой фантъ вынулся, присуждено было „продавать ленты“.

Дѣвушка подошла ко мнѣ первому.

— Покупаете ленты?

Не зная сути игры, я затруднился отвѣчать.

— Сколько аршинъ вамъ нужно лентъ? спросила она меня вторично.

— Сто! отвѣчалъ я наобумъ.

Общество захохотало.

— О, нѣтъ! возразила дѣвушка, такъ много товару не найдется въ лавочкѣ! Хотите, отмѣрю вамъ пять аршинъ?

— Извольте, отмѣрьте.

Дѣвушка взяла меня за обѣ руки, развела ихъ горизонтально въ обѣ стороны и поцѣловала въ губы. Это былъ одинъ аршинъ. Потомъ такимъ же образомъ отмѣрила другой и всѣ послѣдующіе.

Я растаялъ отъ удовольствія и пожалѣлъ, что согласился на покупку только пяти аршинъ. Потомъ эта игра повторялась чаще и я не хотѣлъ уже брать менѣе десяти аршинъ.

По гжатскому или, какъ говорятъ мѣстные крестьяне, по аржатскому уѣзду, мы также шли весело, сопровождаемые сельскими хорами, въ которыхъ принимали участіе наряженныя по праздничному молодыя женщины и дѣвушки.

На одномъ ночлегѣ я видѣлъ образчикъ воспитанія крестьянами своихъ дѣтей. Сынъ моей хозяйки, большой уже мальчишка, подошелъ въ матери, распахнулъ ее, вынулъ грудь и началъ сосать.

— Что это? воскликнулъ я въ изумленіи, неужели ты еще кормишь такого большого кабана? Который ему годъ?

— Цацвортый! отвѣтилъ самъ за себя сосунъ, повернувшись ко мнѣ лицомъ.

— Почему же ты его не отлучаешь?

— Да вотъ думаю, мой соколикъ, отлучить на Илью....

— А въ молду хочешь? перебилъ мальчишка, грозно поглядывая на мать и показывая ей кулачонокъ.

Я думалъ, мать по крайней мѣрѣ выдеретъ его за это за уши. Ничуть не бывало: она прижала его къ груди и сама вложила ему въ ротъ сосокъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ испугавшись страшнаго кулачища.

II.

По приходѣ подѣ Бородино полкъ нашъ расположился въ Колоцкой слободѣ, огромномъ селѣ Можайскаго уѣзда, на р. Колоцѣ, съ извѣстнымъ колоцкимъ мужскимъ монастыремъ, въ 8 верстахъ отъ села Бородина. Отъ всѣхъ полковъ ежедневно наряжали рабочихъ къ бородинскому памятнику, построенному на «семеновскомъ редутѣ», для нивелировки и очистки мѣстности вокругъ него. «Шевардинскій редутъ», «Раевского батарея», «Тучковъ женскій монастырь» и прочія историческія мѣстности находятся донинѣ недалеко отъ монумента.

Полковой лазаретъ нашъ располагался на берегу рѣки, въ виду прекраснаго имѣнія князя Друцкаго-Соколицкаго, возвышающагося на противоположномъ высокомъ берегу. Солдатъ нашихъ очень разстроили дисентерія и кровавые поносы отъ непривычнаго употребленія мѣстной воды. Княгиня Друцкая почти ежедневно пріѣзжала съ мужемъ своимъ, бывшимъ въ адъютантской формѣ, въ лазаретъ и привозила для больныхъ чай, сахаръ, вино и т. п. Княгиня была изящная красавица, мужъ ея также былъ очень красивый молодой человекъ. Больные смотрѣли на этихъ благодѣтельныхъ геніевъ съ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ. И какъ бывало счастливы солдаты, если ему удавалось поцѣловать ручку ея сіятельства! Чуть не недѣлю хвалится этимъ счастьемъ!

— Братъ! ручку княгини удостоился я поцѣловать нынче говорить бывало больной посѣтившему его товарищу.

— Врешь! возражаетъ ему съ завистью здоровый. Съ какой стати княгиня позволитъ тебѣ цѣловать свою ручку?

— То-то и есть, что не вру. Положила ручку мнѣ на лобъ, а я переложилъ ее себѣ на губы. Да и ручка-то, братъ, совсѣмъ не человѣчья—перо лебединое, камфетка сахарная!

Все было готово къ 26 августа, дню, назначенному для открытія памятника. Государь, съ другими членами императорской фамиліи, изволилъ прибыть въ Бородино тремя днями ранѣе самаго торжества. Съ ночи начали выводить полки на позиціи, занятыя вокругъ монумента жалонерами еще съ вечера. Мы подходили къ памятнику часа въ 3 утра, когда еще было совершенно темно и непроглядно. Вдругъ послышался изъ мрака зычный, пріятный голосъ:

— Какой полкъ?

— Галицкій егерскій! отвѣчалъ полковой командиръ.

— Здорово, молодцы егери! произнесъ тотъ же голосъ.

Какъ электрическая искра, потрясло солдатъ это привѣтствіе. Всѣ узнали звучный голосъ молодца-богатыря своего царя — и какъ одинъ человѣкъ гаркнули:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый солдатъ набожно перекрестился, какъ при звукѣ благовѣста въ Свѣтлой заутренѣ.

И любили же солдатики царя своего!.... Впрочемъ, когда же русскій человѣкъ не боготворилъ своего батюшку государя и не крестился, на него глядя?... Спустя много лѣтъ (простите отступленіе!), именно въ 1873 году, я имѣлъ счастье сопровождать Царя-Освободителя по орловско-витебской желѣзной дорогѣ. Предъ каждою сторожевою будкою, безъ всякаго приказанія со стороны желѣзнодорожнаго начальства, но по инициативѣ самихъ сторожей, были выставлены столики, накрытые бѣлыми скатертями, и на нихъ поставлены иконы, хлѣбъ и соль; съ приближеніемъ же поѣзда сторожа, со всѣми домохозяевами своими, крестились и клали земной поклонъ предъ своимъ земнымъ богомъ.

Къ 9 часамъ утра войска стояли уже на своихъ мѣстахъ. Пріѣхалъ государь, войска отдали ему честь, крича ура! Музыка всѣхъ полковъ исполняла народный гимнъ. Царь, объѣхавъ оба корпуса, свомандовалъ:

— Къ ногѣ! Стоять вольно! Оправиться!

Потомъ раздалась команда:

— Смирно! Баталіоны на плечо!

Государь скомандовалъ самъ:

— Слушать моей команды!—Слушай! На кра-уль!

Послѣ этого каждый баталіонный, батарейный и кавалерійскій полковой командиры прочли предъ фронтомъ, заблаговерменно врученный имъ, слѣдующій высочайшій приказъ:

«Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ предъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество. Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ.

«Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I-му. Его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужить ихъ подвигъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи. Николай».

По окончаніи чтенія, войска начали кричать ура! Въ то же время пелена спала съ памятника и началась страшная пальба изъ орудій. Все поле, при тихой, безвѣтряной и жаркой погодѣ, покрылось густымъ, непроницаемымъ пороховымъ дымомъ. Наконецъ, раздалась команда:

— Слушай! На плечо! Къ ногѣ! На молитву! Кивера долой! И начался молебенъ и освященіе памятника.

Послѣ многолѣтія царствующему дому государь скомандовалъ:

— Баталіоны на колѣни!

Всѣ пѣшія войска преклонили колѣна, государь также, и провозглашена была «вѣчная память воинамъ, за вѣру и отечество животъ свой на брани положившимъ».

Великолѣпная и умилительная была картина!

По окончаніи освященія памятника приказано было войскамъ составить ружья, снять ранцы и отдохнуть, а государь началъ принимать ординарцевъ отъ всѣхъ полковъ. Молодецъ къ молодцу подходили, рапортовали и потомъ уходили въ сторону.

Императоръ еще разъ обошелъ фронтъ ихъ и приказалъ имъ разстегнуться.

Вдругъ, на одномъ изъ унтеръ-офицеровъ — кажется, Бѣлозерскаго полка—государь замѣтилъ грязную рубаху.

— Это что?... Какъ смѣть представить ко мнѣ ординарца въ черной рубахѣ?... Начальникъ дивизіи! Полковой командиръ!...

Всѣ поблѣднѣли, начиная съ главнокомандующаго, и молча, съ трепетомъ держали руки подъ козыреекъ. Государь продолжалъ высказывать свое неудовольствіе. Вдругъ тотъ же унтеръ-офицеръ осмѣлился самъ за себя заступиться и громко произнесъ по малороссійски:

— Рубаха на мини билая, ваше амператорськее выличество!

Государь, какъ видно, не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ. Грозно взглянулъ на ординарца и спросилъ:

— Что?... ты смѣешь говорить бѣлая, когда царь говорить черная?!...

— Точно такъ, в. и. в. Рубаха билая (чистая), я сегодня ее надивъ; вона тильки сыняго холста.

Лице государя просвѣтлѣло. Его величество понялъ, что напрасно гнѣвался, и улыбнулся.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, онъ правъ, а не я! Какъ ты прозываешься?

— Мыыта Бугай, в. и. в.

— Молодецъ, Бугай, что не побоялся царю сказать правду.

— Радъ стараться, в. и. в.!

— Царю всегда надо говорить правду! прибавилъ государь, обращаясь къ Бугаю и одновременно ко всѣмъ окружавшимъ.

Все начальство ожило. Много потомъ десятковъ рублей было набросано смѣлому Бугаю въ киверъ.

Съ тѣхъ поръ государь зналъ этого унтеръ-офицера и каждый разъ, при встрѣчѣ съ полкомъ, послѣ привѣтствія, спрашивалъ:

— А Бугай здѣсь?

— Здѣсь, в. и. в.

— Здорово, молодецъ Бугай!

— Здравія желаю, в. и. в.!

Парадъ окончился общимъ церемоніальнымъ маршемъ, на которомъ произошелъ слѣдующій прискорбный случай.

При проходѣ Елисаветградскаго гусарскаго (потомъ гусарскаго Ольги Николаевны) полка галопомъ одинъ изъ солдатъ выскакалъ впередъ, подалъ государю прошеніе и возвратился на свое мѣсто. Прошеніе, разумѣется, принялъ не государь, а кто-то другой. Небывалая дерзость эта возмутила до глубины души всю свиту.

— Сабуровъ! это у тебя такія мерзости дѣлаются! Грозно замѣтилъ его величество полковому командиру. Предать негодяя военному суду.

Долгово-Сабуровъ поскакалъ къ полку, бурю налетѣлъ на виноватаго и такъ рубнулъ его саблею, что разсѣкъ ему киверъ и лобъ и солдатъ, окровавленный, свалился съ коня.

Оказалось, что завзятый солдатъ обжаловывалъ своего эскадроннаго и полковаго командировъ, начальника дивизіи, корпуснаго командира и главнокомандующаго арміею, которымъ онъ жаловался на какую-то пустяшную несправедливость и которые находили виноватымъ его же, присуждая каждый разъ къ прогрессивно большому и большому наказанію за самую дерзость жалобы.

Впослѣдствіи солдатъ этотъ былъ прогнанъ сквозъ строй чрезъ пятьсотъ человекъ и сосланъ въ арестантскія роты.

Послѣ церемоніальнаго марша, заслужившаго большое царское спасибо, государь приказалъ вызвать передъ полки пѣсенниковъ и распустилъ войска. Полки пошли весело домой, съ обязательною пѣснію:

«Что не соколы крылаты».

Въ слѣдующіе дни были маневры, которые описывать я не намѣренъ, такъ какъ они не составляютъ предмета настоящей статьи. Но не могу не упомянуть объ одномъ смѣшномъ эпизодѣ.

Окрестности Бородина давно не слыхали не только пушечныхъ, но и ружейныхъ выстрѣловъ. Во время маневровъ, испуганные орудійною пальбою, зайцы до того ошалѣли, что со-слѣпу бросались въ самую средину колоннъ, вѣроятно, ища тамъ прикрытія. Солдаты при каждомъ такомъ случаѣ поднимали крикъ

и гоготанье. Государь, узнавъ причину, приказалъ корпуснымъ командирамъ объявить начальникамъ дивизій и полковымъ командирамъ, что стыдно допускать, чтобы солдаты кричали и пугались какого-нибудь глупаго зайца.

Графъ Крейцъ, во время обѣденнаго отдыха, собралъ всѣхъ начальниковъ частей и передалъ имъ неудовольствіе государя. Онъ былъ пѣшкомъ и вокругъ него собралась довольно большая кучка генераловъ и штабъ-офицеровъ.

— Стыдно, господа, стыдно и солдатамъ, въ присутствіи государя, поднимать такой крикъ изъ-за глупаго зайца....

Въ тотъ же самый моментъ заяцъ ворвался въ кучку и бросился прямо подъ ноги графу Крейцу.

— Ай! вскрикнулъ онъ и подскочилъ на мѣстѣ.

Переполохъ и замѣшательство произошли всеобщіе и раздались крики: ай! ай!

Первымъ спохватился графъ Крейцъ и громко захохоталъ.

— Ну, господа, не удивляюсь солдатамъ, когда и мы сами сдѣлали то-же! Повинюсь предъ государемъ. А все-таки внушите солдатамъ, что кричать стыдно!

Наконецъ, великій нашъ царь вспомнилъ и о юнкерахъ и пожелалъ осчастливить и насъ производствомъ въ офицеры.

28-го августа привели юнкеровъ изъ цѣлаго корпуса въ царской ставкѣ и построили на горѣ. Шли мы въ мѣсту въ страшный зной, въ полной походной амуниціи, въ ранцахъ «съ вещами» и скатанными шинелями, раскисли, устали. Глядя другъ на друга, мы начали сильно сомнѣваться въ нашемъ производствѣ. Рожи у насъ загорѣли, покрылись потомъ и пылью—словомъ, каждый изъ насъ походилъ, по тогдашнему выраженію, на «кислую амуницію». Пыль съ нашей амуниціи, правда, стряхнули, но фізіономіи нашихъ не могли ни вымыть (нечѣмъ и некогда было), ни исправить. Насъ самихъ возмущалъ видъ нашего правофланговаго: это былъ юнкеръ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка В—въ, братъ или племянникъ жены начальника 5 пѣхотной дивизіи Сергѣя Герасимовича Батурина. Онъ былъ измученъ, страдалъ животомъ отъ мѣстной воды, какъ сказано выше; при томъ и по натурѣ своей былъ нѣженка, баричъ. Длинный В—въ имѣлъ такую печальную наружность, какъ

будто онъ долго стоялъ въ сырѣмъ мѣстѣ, покоробился, да такъ и засохъ. Аммуниція на немъ висѣла какъ на колу, голова и колѣни вытянулись впередъ, ружье завалилось назадъ, какъ грабли.

— Смирно! На плечо! раздалась команда.

Вдали показался государь, съ огромною свитою. Молодцемъ шелъ царь-орелъ, полубогъ, словно красное солнышко по небу. За нимъ, какъ радуга, тянулись ленты и какъ млечный путь— звѣзды. Разумѣется, звѣзды эти при солнцѣ не сіяли. Вотъ приблизился.

— Слушай! На кра-уль!

Пошла ляпотня! Рекруты сдѣлали бы этотъ ружейный пріемъ лучше. Государь остановился, гнѣвно взглянулъ на фронтъ: фигура В—ва первая бросилась ему въ глаза; да и фигуры другихъ юнкеровъ едва-ли были лучше.

— Это что за мерзость? грозно воскликнулъ государь. Иванъ Ѳедоровичъ, обратился къ генераль-фельдмаршалу князю Паскевичу, ты кого это мнѣ привелъ? Крейцъ! такъ у тебя такіе юнкера?... А ты, Лидерсъ, чего смотрѣлъ? Для чего я назначилъ тебя начальникомъ штаба?... Вонъ это стадо барановъ! Возьми ихъ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ ежовыя и выжми изъ нихъ сокъ.

Съ этимъ государь ушелъ и насъ сбросили съ горы въ оврагъ.

Осрамились совсѣмъ!

На другой день государь смотрѣлъ юнкеровъ 6-го пѣхотнаго корпуса—и всѣхъ поздравилъ офицерами.

По возвращеніи полковъ на новыя кантониръ-квартиры свои въ Литву, собрали юнкеровъ изъ цѣлаго корпуса въ особую команду, подъ начальствомъ генерала Прянишникова, въ г. Слонимѣ. Дѣйствительно, тамъ взяли насъ въ ежовыя, выжимали соки и довели до совершенства образцоваго полка. Кто изъ генераловъ не пріѣзжалъ насъ смотрѣть, по повелѣнію главнокомандующаго! Новый начальникъ штабъ-корпуса, флигель-адъютантъ Гогель, нѣсколько разъ смотрѣлъ насъ и хвалилъ. Прянишниковъ былъ отъ насъ въ восторгѣ. Бывало построить насъ «по-коемъ», поворотятъ налѣво - кругомъ и начнутъ производить

ружейные приемы: любо, стройно, звучно, словно «щелкаемъ орѣхи»; носовъ вытягивали съ артизмомъ первой балерины; при маршировкѣ—вода не пролилась бы изъ полного стакана, если бы его поставили на киверъ. Словомъ, мы изучили военное искусство въ совершенствѣ, такъ что хоть сейчасъ въ профессоръ военной академіи, хоть сейчасъ давай каждому армію! Мы и думали, что насъ произведутъ — если не въ Суворовы, то по крайней мѣрѣ въ Густавы Адольфы!

Послѣдній смотрѣлъ насъ и восхищался нами генераль Редъ и обѣщаль ходатайствовать о насъ предъ фельдмаршаломъ.

Мучили насъ такъ съ ноября до августа.

Наконецъ, ровно черезъ годъ, день въ день, 28-го августа 1840 года, произвели насъ—но не въ Суворовы, не въ Густавы Адольфы, а только въ прапорщики.